

УДК: 81'255.4:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ АДЕКВАТНОСТИ ПЕРЕВОДА КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.С. Мамонтов

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Волгина, 6, Москва, Россия, 117485

В статье рассматриваются проблемы перевода как одной из форм межкультурной коммуникации. Основной акцент делается на необходимости знания переводчиком широкого социокультурного контекста: как чужого, так и своего собственного. Одновременно в ряде случаев обуславливается необходимость лингвострановедческого комментирования на сопоставительной основе и с учетом родной культуры адресата-реципиента художественного текста. Также отрицается значимость попытки обязательного нахождения эквивалента в языке перевода. Приводится ряд примеров перевода отрывков из художественной литературы, принадлежащих перу известных авторов, на английском языке с последующим лингвострановедческим анализом. Переводческая работа анализируется в тесной связи с обучением языку как средству межкультурной коммуникации и призвана решать задачи максимального устранения помех при взаимодействии самых разных языков и культур.

Ключевые слова: перевод, межкультурная коммуникация, текст, комментарий, сопоставительный, лингвострановедческий

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, в системе современных психолингвистических координат перевод как вид речевой деятельности, как умение представляет собой двуязычную коммуникацию, где процесс передачи информации опосредован функцией субъекта переводчика, в задачу которого входит изложение полученной информации на другом языке. В свою очередь у него предполагается наличие так называемой «переводческой компетенции», состоящей из набора ряда компетенций, например, языковой, технико-трансляционной и т.д. Среди них для нас наибольший интерес представляет *лингвокультурологическая* (знание о национально-культурной специфике обоих контактирующих сообществ с выходом этих знаний в особенности общения) компетенция, взятая в ее сопоставительном аспекте, иными словами, с точки зрения *межкультурной коммуникации*. Ибо, по сути дела, перевод — это и есть одна из форм межкультурной коммуникации.

Без учета подобных экстралингвистических факторов, постоянно взаимодействующих с внутренними законами развития языка, невозможно представить себе как теорию перевода вообще, так и интересующего нас художественного в част-

ности. Игнорирование этих факторов, как нам кажется, и явилось одной из причин известного спора о «переводимости».

Так, *например, различия* в климате способны объяснить тот факт, что на Кубе красивая женщина сравнивается с январским цветком — «Eres tan bonita como la flor de enero», тогда как в России — с «майской розой» и т.д. и т.п.

Следует еще раз подчеркнуть, что связь между языком и культурой неразрывна, и для теории перевода данное положение играет роль. Отсюда правила «перекодирования» при переводе предполагают не только учет собственно языковых значений, но и их тесное взаимодействие с экстралингвистическими, культурообразующими факторами. Ведь ни для кого не секрет, что переводчик не только переводит текст ИЯ на ПЯ, но и систему ценностей одной культуры на систему ценностей другой культуры. Известны многие переводческие казусы, явившиеся прямым результатом примитивного перекодирования текста на ИЯ в текст на ПЯ.

В частности, З.Д. Львовская пишет в своей монографии об одном незадачливом португальце, который, выступая на банкете в Мадриде, решил поблагодарить присутствующих и начал свою речь словами: «Senores, estoy embarazado...». Реакция присутствующих его очень удивила... Он хотел сказать: «Господа! Я в очень затруднительном положении...», а сказал: «Господа! Я в положении...» [Львовская 1985: 35].

Стремление порой «уйти» от национально-культурной специфики с тем, чтобы как-то «подстраховаться» себя от неточного перевода, приводит к обезличиванию текста в процессе перевода, к выхолащиванию из него этно-самобытных черт. Нельзя не заметить, что подобное обращение ведет к утрате тем или иным произведением художественной литературы ряда своих черт, а также к снижению познавательно-эстетических функций текста.

Весьма значимым представляется еще и то, что проблемы перевода тесно переплетаются с проблемами психолингвистики, а точнее такого ее раздела, каким является этнопсихолингвистика. Напомним, что речевая деятельность, как и любая другая осмысленная деятельность, всегда имеет определенный мотив и цель, из сложного взаимодействия которых рождается смысл текста или высказывания в понимании его автора (продуциента).

Пишущий-продуцент сообщает читателю-реципиенту какую-то информацию, выражает свои эмоции или стремится вызвать какие-то эмоции у получателя информации, иногда старается побудить его к каким-то действиям, в том числе речевым и т.д. Какова бы ни была конкретная цель автора текста, он всегда стремится воздействовать тем или иным образом на *интерпретатора* текста, регулируя его поведение в самом широком смысле слова (сознание, побуждения, поступки и т.п.).

Продуциент в процессе порождения (синтеза) речи совершает путь от мысли к тексту, то есть облекает свою мысль в соответствующую форму — текст. В выборе формы он руководствуется, с одной стороны, чисто субъективными, экстралингвистическими соображениями (цель речевого поступка), а с другой — объективно существующими в данной лингвокультурной общности нормами речевого

поведения. Кроме того, автор текста руководствуется и целым рядом других экстралингвистических факторов национально-культурного характера, которые составляют в совокупности ситуацию речевого общения.

Специфика деятельности интерпретатора-переводчика текста заключается в том, что он, как отмечалось выше, проделывает путь от текста к смыслу, осуществляя анализ полученного текста с целью извлечения из него смысла. При этом в речевой деятельности интерпретатора-переводчика, в его понимании смысла текста огромную роль играет фактор экстралингвистического характера — с ним связаны фоновые знания о предмете речи, «шкала ценностей» и т.д. и т.п.

Приемы и способы интерпретации могут быть самыми разными, однако все они направлены на то, чтобы по возможности передать, где необходимо, национально-культурную специфику, отраженную в исходном тексте. В то же время их эффективность зависит от того, в какой степени они используют инструментарий межкультурной коммуникации, в рамках которой сопоставительное лингвострановедение (СЛСВ) играет ключевую роль.

Иными словами, при обучении языку как средству межкультурной коммуникации с учетом национальной культуры адресата вышеназванные сентенции приобретают форму лингводидактической установки. Недооценка последней, ее игнорирование способно провоцировать помехи в данном виде коммуникации, свидетельствующие о недостаточном уровне подготовки специалиста.

Обратимся теперь к конкретным примерам.

Пример перевода. Данный пример репрезентации национально-культурной специфики взят нами из перевода известного романа Дж. Голсуорси «To let» («Сдается в наем»). Он также связан с употреблением реалии английской действительности:

«In the doorway they passed the young man called Mont and his partner. But Soams had hung out a board “Tresspassers will be prosecuted” and barely acknowledged the young fellow’s salute» [Galsworthy 1954: 51].

«В дверях они опять столкнулись с Монтом и его товарищем. Но Сомс вывесил дощечку с надписью „Посторонним вход воспрещен“ и едва ответил на поклон молодого человека» [Голсуорси 1962: 350].

В данном случае переводчик, также опираясь на сопоставительное лингвострановедение, предпочел передать «Tresspassers» реалией, характерной для русского узуса — «Посторонним вход воспрещен», сопоставив факты двух языков и культур и сумев до известной степени сохранить «дух» оригинала.

Установление факта наличия национально-культурной специфики в тексте ИЯ по отношению к тексту ПЯ в процессе поиска путей переводческого решения в ситуации обучения художественному переводу в условиях языкового вуза входит в компетенцию СЛСВ по отношению к теории перевода. На его основе, в свою очередь, определяются пути преодоления соответствующих трудностей.

По нашему мнению, при переводе наибольшую трудность представляет собой перевод не столько реалий, то есть перевод без эквивалентной лексики и обозначаемых ею явлений, сколько перевод сопряженных с нею коннотаций, специфич-

ных для каждого национального языка и культуры и носящих название «культурных» [Мамонтов 2010: 117].

Напомним, что основным частным методом сопоставительного лингвострановедения является сопоставление семантики единиц конкретного языка (включая коннотации и национально-культурный фон) с соответствующими единицами другого языка. Несовпадение национально-культурных фонов или, в другой терминологии, культурного смысла может быть выявлено при сопоставлении двух языковых систем, а это несовпадение, как уже отмечалось, особенно ярко видно при переводе с одного языка на другой.

Например, слово «Park Avenue» на первый взгляд, абсолютно нейтральное для русского, ассоциируется у носителей языка (в первую очередь американцев) с высоким социально-имущественным положением, что, в свою очередь, связано с тем, что даже небольшая квартира на Park Avenue в Нью-Йорке стоит около миллиона долларов.

Трудности перевода и понимания национально окрашенной лексики английского языка всегда привлекали внимание исследователей, однако данный вопрос не рассматривался не только в контексте сопоставительно-лингвистической проблематики, но и собственно лингвострановедческой, несмотря на то, что проблема адекватной передачи реалий при переводе является одной из главных в теории и практике перевода. И не случайно, поскольку неточный перевод или отсутствие комментария могут не только затруднить понимание, но и исказить смысл текста.

Значительный пласт «религиозной» лексики до относительно недавнего времени был фактически неизвестен и малопонятен российскому читателю, тогда как в англоязычных странах Запада им овладевали едва ли не с пеленок. Рассмотрим ряд примеров.

Пример перевода. «*Ha the good Samaritan. I understood, you've done my tound for me. Extremely noble*» [Cronin 1937: 106].

«*А, милосердный самаритянин! Я полагаю, что вы опять сделали вместо меня визиты. Весьма благородно с вашей стороны*» [Кронин 1955: 83—84].

В рамках комментария дается разъяснение, согласно которому самаритянин — это член религиозного сообщества, возникшего на основе Библии. Совершенно очевидно, что содержание библейской притчи не раскрывается, и смысл комментируемого остается вне понимания читателя. Полагаем, что в комментарии, адресованном российскому читателю, необходимо сказать о том, что по Евангелию, некий житель Самарии помог избитому и ограбленному путнику, тогда как богатый купец и священник прошли мимо, не проявив милосердия.

«В школах основали группу „молодых самаритян“. Будем помогать людям и все такое» [Иностранная литература 1986, № 4: 45]. Данный отрывок текста не прокомментирован, а ведь, согласно соответствующему словарю, к сожалению, далеко не всегда доступному широкому читателю: «„Самаритяне“ — это благотворительное общество помощи людям в бедственном положении, особенно замышляющим самоубийство. Основано в 1953 году» (комментарий).

По справедливому замечанию А.А. Черноброва, если это выражение употребляется с определенным артиклем, то имеется в виду конкретный библейский персонаж, если же неопределенным, то член общества самаритян. Далее исследователь говорит о существующем «разнобое» в переводах данной лексической единицы: так, в романе А. Кронины «Юные годы» прилагательное «good» в этом выражении переведено как «добрый», а не «милосердный» [Чернобров 1993].

Пример перевода. *«I looked through the Gideon Bible in my motel room for tales of great destruction»* [Vonnegut 1980: 157].

«Я поискал в Библии на столике в мотеле описание какого-нибудь огромного разрушения» [Воннегут 1978: 40].

Выражение «the Gideon Bible» переведено как «Библия на столике», и, хотя фактической ошибки здесь нет, от читателя ускользает любопытная деталь из жизни христиан на Западе. Напомним: так называемая «Гидеонова Библия» представляет собой дешевое издание, бесплатно распространяемое в местах подобного рода Гидеоновым обществом, основанным в 1899 году, что не оправданно не нашло своего отражения в комментарии...

Символика употребления лексики религиозного характера способна проявляться как на уровне предложения, так и всего дискурса, ярким примером чему может служить известный роман У. Фолкнера «Осквернитель праха». Нетрудно заметить, как фактически через все произведение проходит слово «суббота» — «субботный отдых», «субботняя праздничная одежда», «субботняя толпа», и даже убийство в романе также случается в субботу. Объяснение этому следует искать в специфике персонажей Фолкнера — преимущественно чернокожих гражданах США, проживающих в тех районах, которые принадлежат к так называемому «Bible belt» («Библейскому поясу»).

Местные жители входят главным образом в такие конфессии, как евангелистская, методистская и др., а для данных конфессий суббота является святым днем.

Яркую коннотативную окраску несут не только религиозные реалии, что, во избежание обеднения восприятия произведения, следует постоянно учитывать с помощью лингвострановедческого комментария. Приведем примеры некоторых из них.

Пример перевода. *«Mrs. Snell had her hat on... The Hattie Carnegie label was still inside it, faded but (it might be said) unbowed»* [Salinger 1948: 5].

«Миссис Снел была в шляпе. Ярлык фирмы „Карнеги“ еще держался на подкладке — поблекший, но смело можно сказать, непобежденный» [Сэлинджер 1963: 22].

В комментарии дается пояснение, что Карнеги — это «одна из ведущих модельеров женской одежды в США». Цены в салоне очень высокие, поэтому очевидно, что шляпа была подарена миссис Снел одной из ее работодательниц, так же как сумка и спичечный коробок с эмблемой клуба «Stork club», то есть эксплицируется социальное положение данного персонажа.

Пример перевода. *«Адриенна и Шейла только что пришли домой и, стоя на кухне, потягивают „Овалтайн“»* [Болдуин 1980: 535].

В случае отсутствия лингвострановедческого комментария к лингвокультуре «Овалтайн» у читающего может сложиться определенное (превратное) мнe-

ние о девушках, пьющих всего-навсего популярный безалкогольный шоколадно-молочный напиток, тем более что глагол «потягивать» в русском лингвокультурном узусе чаще всего ассоциируется с напитками, способными вызвать опьянение.

Пример перевода. Без обращения к СЛСВ может быть затруднено понимания целых отрезков дискурса:

«...he had the impression that G'd said over the air that the Gettysburg Address was "bad for children". Not true. I told him G'd said I thought it was a bad speech for children ... to memorize in school. He also had the impression G'd said it was a dishonest speech. I told him G'd said that 51, 112 men were casualties at Gettysburg, and that if someone had to speak at the anniversary of the event, he should simply have come forward and shaken his fist at his audience and then walked off — that is, if the speaker was an absolutely honest man... Much talk from him, ... on the virtues of accepting one's own and other's weaknesses» [Salinger 1963: 348].

«У него создалось впечатление, будто я сказал в эфир, что геттисбургская речь Линкольна „вред для детей“. Это неправда. Я ему объяснил, что я сказал, что детям вредно заучивать эту речь наизусть в школе. У него сложилось впечатление, будто я сам сказал, что это нечестная речь. Я ему объяснил, что под Геттисбургом было убито и ранено 51 112 человек, и что если уж кому пришлось выступить в годовщину этого события, так он должен был выйти, погрозить кулаком всем собравшимся и уйти, конечно, если оратор до конца честный человек», и далее «Он много говорил ... о том, как надо принимать свои и чужие слабости» [Сэлинджер 1967].

Остается неясным, отчего президент США должен был бы «выйти, погрозить кулаком собравшимся и уйти», непонятно, зачем далее зашел разговор о терпимости и, наконец, далеко не всем известно, в какой именно части Соединенных Штатов находится упомянутое место.

Дело в том, что большинство присутствовавших на геттисбургском выступлении Авраама Линкольна — это жители южных штатов, которые и инспирировали гражданскую войну в США и на которых лежит ответственность за многочисленные жертвы одноименного сражения, годовщине которого и посвящена речь на мемориальном кладбище. Что же касается лингвокультуремы-топонима Геттисбург, то это город на юге восточного штата Пенсильвания, близ которого 1—3 июля 1863 года состоялось одно из крупнейших сражений Гражданской войны 1861—1865 годов.

Подчеркнем, что подобная лингвострановедческая информация известна любому американцу еще со школьной скамьи в отличие от представителя русской культуры, и именно критерий общеизвестности является одним из основных при разделении энциклопедических и фоновых, лингвострановедческих знаний — «взвешенных фоновых знаний» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров). Вряд ли вызывает возражение то, что подобный факт необходимо учитывать при обучении художественному переводу.

Пример перевода. Отсутствие комментария способно не только разрушить, но и затемнить его юмористический эффект, также относящийся к культурной коннотации:

«My cap was one I have worn for many years, a blue serge British naval cap with a short visor and on its peak the royal lion and unicorn, as always fighting for the crown of England» [Steinbeck 1962: 37].

«Фуражку свою я ношу уже много лет. Это синяя английская капитанка с маленьким козырьком и кокардой, на которой лев и единорог все еще дерутся из-за английской короны» [Стейнбек 1965: 49].

Лингвострановедческий комментарий, который здесь необходим, призван восполнить отсутствие у реципиента знания о том, что лев и единорог — это геральдические животные, изображенные на королевском гербе Англии, а также аллюзии на книгу «Алиса в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, практически неизвестную широкому российскому читателю, где в 8-й главе, наблюдая схватку единорога со львом, Алиса вспоминает песенку:

*«The Lion and Unicorn were fighting for the crown:
The Lion beat the Unicorn all-round the town.
Some gave them white bread, some gave them brown:
Some gave them plum-cake and drummed them out of town».*

Пример перевода. Рассмотрим примеры использования СЛСВ с точки зрения использования ряда других существующих способов передачи культурной коннотации в процессе перевода художественной литературы.

«...every man in must have treated me to a Dixie cup or a box of Crackerjack» [Сапоте 1951: 31].

«Не было в городе человека, который не купил бы мне стаканчик мороженого или коробку воздушной кукурузы с патокой» [Капоте 1971: 15].

Пример перевода. В данном случае переводчик передает культурный компонент слова «Crackerjack» описательно, что, в конечном счете, является одной из форм лингвострановедческого комментария, так же как и способ; а) связанный с добавлением слов в тексте и способ б) связанный с заменой одной реалии другой:

а) *«I closed my eyes and waited, a trifle guardedly, for the organist to quit the incidental music and plunge into „Lohengrin“»* [Salinger 1963: 150].

«Я закрыл глаза и стал настороженно ждать, пока органист не перестанет играть разные разности и загремит свадебным маршем из „Лоренгрин“» [Сэлинджер 1967: 173].

Если для западного читателя добавление «свадебный марш» к названию «Лоренгин» абсолютно нерелевантно, поскольку музыка Рихарда Вагнера — «Хор подружек невесты», исполняемый в переложении для органа, является неотъемлемой частью свадебной церемонии, то у нас музыка Вагнера известна преимущественно только меломанам, тем более что свадебная церемония у русских, как известно, сопровождается «Свадебным маршем» Людвиг Мендельсона.

б) *«He is short and I am tall. We were Mutt and Jeff in the war»* [Vonnegut 1980: 147].

«Он низенький, а я высокий. На фронте нас звали Пат и Паташон» [Воннегут 1978: 27].

Легко заметить, что при переводе на русский язык известная в англоязычных странах пара клоунов Матт и Джефф удачно заменена на другую, хорошо известную русской лингвокультурной общности, пару Пат и Паташон, однако подобные трансформации следует использовать осторожно, дабы не изгнать из текста его национально-культурный «дух».

Пример перевода. В заключение приведем примеры, связанные с недооценкой роли СЛСВ, что выливается в опущение лингвокультурем в тексте:

«He was killed in an unspeakably absurd G. I. accident in late autumn of 1945, in Japan» [Salinger 1963: 169].

«Он погиб по нелепейшей случайности в Японии в 1945 году» [Сэлинджер 1967: 169].

В данном случае при переводе опущена лингвокультурема «G.I.», означающая «рядовой американской армии», и это ведет к искажению смысла фразы. Слово-сочетание «G.I. accident» переводится как «несчастный случай в армии или в тылу», то есть не во время военных действий. Подобное уточняющее добавление более чем уместно, поскольку переводчик не дал точного указания на время, а именно позднюю осень 1945 года, когда уже наступил конец Второй мировой войны.

Пример перевода. *«She read an article in a women's pocket-size magazine, called "Sex is Fun — or Hell"... She moved the button on her Saks blouse»* [Salinger 1963: 27].

«Она прочла статейку в женском журнальчике — карманный формат — под заголовком: „Секс — либо радость — либо ад“. Она переставила пуговицу на готовой блузке» [Сэлинджер 1967: 55].

Здесь опущена реалья («Сакс — один из наиболее престижных магазинов в Нью-Йорке) кроме всего прочего вызвало разрушение звуковой ассоциации «sex — saks» и привело к потере юмористического эффекта.

Справедливости ради, нельзя не заметить, что вышеназванные недочеты при переводе могут являться следствием простого незнания переводчиком экстралингвистической информации, заложенной в слове, однако мы все-таки склонны считать это результатом недооценки роли национально-культурной окрашенности содержания номинативной единицы в тексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение позволим себе сделать следующий вывод: необходимо учитывать, что перевод художественного текста является одной из форм *взаимодействия культур*, и считается, что он дает известное представление о некоторой «чужой» культуре. Однако одновременно нельзя не видеть, как удачные, по общему мнению, переводы обладают минимальным интеркультурным колоритом за счет нахождения эквивалентов исходному тексту и оцениваются в силу этого в качестве принадлежащих прежде всего той культуре и языку, на котором осуществляется перевод.

На попытки преодоления подобного противоречия, по нашему мнению, и должен быть ориентирован подход к переводу с точки зрения *межкультурной коммуникации* и обучение ей [Мамонтов 2010].

© Мамонтов А.С.

Дата поступления: 12.08.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Болдуин Дж.* Если бы Билл-стрит могла заговорить // Современная американская повесть. М.: Прогресс, 1980.
2. *Воннегут К.* Бойня № 5 и другие романы / Пер. с англ. Р. Райт-Ковалёвой. М.: Прогресс, 1978.

3. *Голсуорси Дж.* Сдается в наем. М.: Правда, 1962.
4. Иностранная литература. № 4. 1986.
5. *Капоте Т.* Голос травы / Пер. с англ. М.О. Митиной. М.: Прогресс, 1971.
6. *Кронин А.* Цитадель / Пер. с англ. М.Е. Абкиной. Киев: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
7. *Львовская З.Д.* Теоретические проблемы перевода. М.: Высшая школа, 1985.
8. *Мамонтов А.С.* Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации: Учебное пособие. М.: Флинта—Наука, 2010.
9. *Сэлинджер Дж.Д.* Грустный мотив / Пер. с англ. Н. Галь. М.: Прогресс, 1963.
10. *Сэлинджер Дж.Д.* Выше стропила, плотник. Повести. Рассказы / Пер. с англ. Р. Райт-Ковалёвой. М.: Иностранная литература, 1967.
11. *Стейнбек Дж.* Путешествие с Чарли в поисках Америки. М.: Прогресс, 1965.
12. *Томахин Г.Д.* Реалии-американизмы. Пособие по страноведению. М.: Прогресс, 1988.
13. *Чернобров А.А.* Трудности понимания и перевода реалий (лингвострановедческий подход) // Филология, лингвистика, лингводидактика. М.: Гаудеамус, 1993.
14. *Cronin A.J.* (1937). *The Citadel*. London: Collancz.
15. *Capote T.* (1951). *The Grass Harp*. N.Y.: Random House.
16. *Galsworthy J.* (1954). *ToLet*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
17. *Salinger J.D.* (1948) *Blue Melody*. N.Y.: Cosmopolitan.
18. *Salinger J.D.* (1963). *Raise High The Roof Beam, Carpenters*. N.Y.: Little, Brown and Company.
19. *Steinbeck J.* (1962). *Travels With Charly In Search Of America*. N.Y.: Viking Press.
20. *Vonnegut K.* (1969). *Slaughterhouse-Five or The Children's Crusade*. N.Y.: Delacorte.

УДК: 81'255.4:316.77

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863

ABOUT SOME PROBLEMS OF ADEQUACY IN TRANSLATION AS ONE OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION FORMS

Alexander St. Mamontov

State Institute of the Russian Language n.a. A.S.Pushkin
Acad. Volgina str.,6, Moscow,Russia, 117485

Abstract. The article discusses some problems of translation as one of cross-cultural communication forms. In the article there are mainly stressed necessity of vast sociocultural context knowledge by a translator: both foreign and own. Simultaneously in some cases there are brought about necessity of encyclopedic commentary on comparative basis with reconing recipient's of literary text native culture. The author denies as well significance of attempt of obligatory equivalents finding in translator's language. In the article there are given some examples of literary text by famous writers fragments translation in English with following encyclopedic analysis. Translation activities are analyzed in close connection with language as mean of cross-cultural communication teaching and called upon to solve the problems how in a proper way to eliminate obstacles in the situation of different languages and cultures interaction.

Key words: translation, cross-cultural communication, text, commentary, comparative, encyclopedic

REFERENCES

1. Baldwin, John. (1980). *If Beale Street Could Talk*. In *The Modern American novel*. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Vonnegut, K. (1978). *Slaughterhouse — Five and other novels*, trans. from English R. Wright-Kovaleva. Moscow: Progress. (In Russ.)

3. Galsworthy, John. (1962). *Rentals*. Moscow: Pravda. (In Russ.)
4. Foreign literature (1986). No. 4. (In Russ.)
5. Hood, T. (1971). *The Grass Harp*. Trans. from English by M.O. Mitina. Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Cronin, A. (1955). *The Citadel*. Trans. from English. M.E. Akinai. Kiev: State publishing house of artistic literature. (In Russ.)
7. Lviv, Z.D. (1985). *Theoretical problems of translation*. Moscow: Higher school. (In Russ.)
8. Mamontov, A.S. (2010). *Lingua-cultural basises of language as cross-cultural communication means teaching. Training manual*. Moscow: Flinta—Nauka. (In Russ.)
9. Salinger, J.D. (1963). *Blue Melody*. Trans. from English N. Gal. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. Salinger, J.D. (1967). *Above the rafters, carpenter. Story. Stories*. Trans. from English R. Wright-Kovaleva. Moscow: Foreign literature. (In Russ.)
11. Steinbeck, John. (1965). *Travels with Charly in search of America*, Moscow: Progress. (In Russ.)
12. Tomakhin, G.D. (1988). *Realities-Americanisms. Benefit on the country*. Moscow: Progress. (In Russ.)
13. Chernobrov, A.A. (1993) *The difficulty of understanding and translating reality (linguistic approach)*. In *Philology, linguistics, didactics*. Moscow: Gaudeamus.
14. Cronin, A.J. (1937). *The Citadel*. London: Collancz. (In English)
15. Capote, T. (1951). *The Grass Harp*. NY: Random House. (In English)
16. Galsworthy, J. (1954). *ToLet*. Moscow: Foreign Languages Publishing House. (In English)
17. Salinger, J.D. (1948) *Blue Melody*. NY: Cosmopolitan. (In English)
18. Salinger, J.D. (1963). *Raise High The Roof Beam, Carpenters*. NY: Little, Brown and Company. (In English)
19. Steinbeck, J. (1962). *Travels With Charly In Search Of America*. NY: Viking Press. (In English)
20. Vonnegut, K. (1969). *Slaughterhouse-Five or The Children's Crusade*. NY: Delacorte. (In English)

Для цитирования:

Мамонтов А.С. О некоторых проблемах адекватности перевода как одной из форм межкультурной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 854—863. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863.

For citation:

Mamontov, A.S. (2017). About some problems of adequacy in translation as one of cross-cultural communication forms. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 854—863. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863.

Alexander St. Mamontov, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 854—863. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-854-863.

Сведения об авторе:

Мамонтов Александр Степанович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской словесности межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; *научные интересы*: лингвокультурология, лингвострановедение, межкультурная коммуникация, методика преподавания РКИ, культурология, русский язык и культура речи; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru

Bio Note:

Mamontov Alexander Stepanovich, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian literature and intercultural communication of State Institute of the Russian Language n.a. A.S. Pushkin; *Scientific Interests*: cultural linguistics, linguistics, intercultural communication, methods of teaching RFL, cultural studies, Russian language and speech culture; *e-mail*: as-mamontov2@yandex.ru